

Н.Н. Крадин

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА РУСИ В СВЕТЕ ДАННЫХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ*

Проблема становления государственности на Руси является одним из постоянно обсуждаемых вопросов в отечественной исторической науке. Существует огромное количество книг, сборников и журнальных статей, написанных по данной теме. Однако, несмотря на внушительный объем публикаций, в рассматриваемой теме есть еще немало сюжетов и аспектов, которые заслуживают более тщательного рассмотрения. К их числу относится, например, использование достижений современной политической антропологии. В самом широком смысле политическая антропология — это антропологическая дисциплина, которая изучает процессы формирования и динамики институтов власти и контроля в первобытных, традиционных и посттрадиционных обществах¹.

Одним из направлений данной области является изучение процессов становления государства. Поэтому главная задача статьи — показать, как различные теории и подходы, применяемые политическими антропологами, могут быть использованы при исследовании возникновения государства на Руси. Нельзя сказать, что данная статья является первой работой, написанной в таком ключе. Сравнительные этнографические данные, возможно, впервые были использованы И.Я. Фрояновым в его книге «Киевская Русь: Очерки социально-политической истории». Впоследствии данный автор еще не раз об-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ДВО РАН № 12-III-A-11-216 и гранта РФФИ № 11-06-00441а.

¹ *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988; *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2011; *Он же.* Перспективы политической антропологии // *Полис.* 2011. № 6; *Политическая антропология традиционных и современных обществ.* Материалы международной конференции. Владивосток, 2012.

рашался к разработкам этнологов². Впоследствии данный подход получил развитие в исследованиях его учеников А.Ю. Дворниченко и Ю.В. Кривошеева. Именно акцент на сравнительные исследования позволил вывести обсуждение проблематики генезиса Древней Руси на принципиально новый уровень. Другие исследователи использовали ряд современных теорий политогенеза при изучении Древней Руси³. Однако масштабного проникновения теорий, разработанных в политической антропологии в отечественную русистику, к сожалению, до сих пор не произошло.

В данной статье будут обсуждены некоторые перспективы использования достижений политической антропологии для понимания процессов политогенеза на Руси. В статье будут затронуты такие важные вопросы, как роль и соотношение различных факторов возникновения государственности, роль теории вождества, критерии государственности. Рамки статьи не позволяют остановиться на всех значимых для данной темы аспектах. По этой же причине я не имею возможности упомянуть всех авторов и все точки зрения, выказанные по тем или иным обсуждаемым здесь вопросам. Для этого пришлось бы написать отдельную книгу. Конкретная разработка поставленных задач должна производиться специалистами в данной области и требует не только знакомства с современными теоретическими подходами, но и глубокого знания письменных и археологических источников по рассматриваемой теме. Надеюсь, что данная статья послужит определенным стимулом для разработки поставленных здесь вопросов.

Неоднократно отмечалось, что процесс политогенеза — сложное многофакторное явление, обусловленное как внутренними (экология, система хозяйства, рост народонаселения, технологические инновации, война, идеология и др.), так и внешними (война, внешнее давление, торговля, диффузия и др.) факторами⁴. Как весьма справедливо

²Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980; *Он же*. К истории зарождения русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 57–93.

³Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества. Киев, 1989; Дворниченко А.Ю. К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995; *Он же*. О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. // *Rossica Antiqua*, 2006. Исследования и материалы. СПб., 2006; Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995; Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999; Лузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007; Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. 2-е изд. М, 2009.

⁴Carneiro R.L. A Theory of the Origin of the State // *Science*. 1970. Vol. 169, No 3947; Renfrew C.

заметил по данному поводу Дж. Хаас, многие из теорий адекватно объясняют возникновение государственности применительно лишь к случаям, которые служат иллюстрациями для подтверждения тех или иных взглядов⁵. В то же время ни один из вышеперечисленных факторов не является универсальным. В настоящее время большинство историков, антропологов и археологов признают, что возникновение государственности является сложным многовариантным процессом, зависимым от большого числа разнообразных переменных⁶.

Такие предпосылки, как экономический рост, экология, варяжский фактор, религия, влияние Византии, давление кочевников, применительно к Руси традиционно были предметом рассмотрения в отечественной и зарубежной литературе⁷. Здесь будут рассмотрены некоторые другие факторы, имеющие прямое отношение к данной теме. Согласно кросс-культурным данным⁸, можно говорить о сильной корреляции между типом хозяйства (земледелие), плотностью населения и уровнем политической централизации⁹. Это означает, что наличие

The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the Third Millenium B.C. L., 1972; Service E. Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975; Хазанов А.М. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979; Haas J. The Evolution of the Prehistoric State. N.Y., 1982; Шнирельман В.А. Производственные предпосылки разложения первобытного общества // История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988; Павленко Ю.Е. Раннеклассовые общества; Коротаев А.В. Некоторые экономические предпосылки классового образования и политогенеза // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. М., 1991. Ч. 1; Claessen H.J.M. Structural Change: Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology. Leiden, 2000; Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М., 2007; Карнейро Р. Теория ограничения: разъяснение, расширение и новая формулировка // Политическая антропология традиционных и современных обществ.

⁵ Haas J. The Evolution of the Prehistoric State. P. 130.

⁶ Peregrine P., Ember C., Ember M. Modeling State Origins Using Cross-Cultural Data // Cross-Cultural Research. 2007. Vol. 41, No 1. P. 84.

⁷ Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1968; Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978; Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985; Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985; Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества; Мельникова Е.А. К типологии; Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995; Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь; М., 1996; Он же. История России. Киевская Русь. Тверь; М., 1996; Пузанов В.В. Древнерусская государственность; Шниаков Е.А. Образование древнерусского государства; Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб., 2009.

⁸ О кросс-культурных исследованиях см.: Коротаев А.В. Джордж Питер Мердок и школа кросс-культурных исследований // Бюллетень: Антропология, меньшинства, мультикультурализм. М., 2003. Вып. 3.

⁹ Коротаев А.В. Некоторые экономические предпосылки классового образования и политогенеза; Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М., 2005; Крадин Н.Н.

земледельческой экономики, при всех оговорках и конкретных вариациях, рано или поздно может привести к росту населения. Постепенно возрастает конкуренция за ресурсы, что предполагает самые разнообразные следствия — отпочкование и миграцию, потребность в интенсификации сельского хозяйства, увеличение конфликтов и войн, совершенствование организации управления и др. Проблема, как всегда, в деталях: не очень понятно, когда конкретно должен наступить пороговый предел демографической плотности, ведущий к перестройке механизмов управления обществом.

Известно, что древнеславянские поселения VII–VIII вв. располагались на расстоянии 1,5–2 км друг от друга и группировались в гнезда. Дистанция между гнездами была примерно 5–10 км¹⁰. Эти выводы в определенной степени перекликаются с данными письменных источников. Прокопий Кесарийский сообщал, что славяне «живут... в жалких хижинах, располагаясь далеко друг от друга и каждый меняя насколько можно часто место поселения... Да и имя встарь у склаввинов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали „спорами“, как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища. Именно поэтому они и занимают неимоверно обширную землю»¹¹. Численность общин VI–VII вв., по предположению Б.А. Тимощука, составляла 150–200 человек¹². Когда община разрасталась, срабатывал механизм отпочкования. Лишнее население отселялось на другие земли. Все это касается, правда, территории лесостепи, однако, скорее всего, справедливо и в отношении лесной зоны.

Принципиальные изменения в экономике древних славян произошли к концу I тыс. н. э. Для середины I тыс. н. э. была характерна подсечная система. Славяне выращивали просо, ячмень, твердую пшеницу. В последней четверти I тыс. внедряются новые методы агротехники. Появляется новая паровая система земледелия (двух- и возможно трехполье). Были освоены такие новые культуры, как мягкая пшеница, бобы, горох, конопля, озимая рожь¹³. Если в остеологических материалах VI–VII вв. кости диких животных составляли более трети от об-

Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006.

¹⁰ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982; Тимощук Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. н. э. М., 1990. С. 80.

¹¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 297–298.

¹² Тимощук Б.А. Восточнославянская община. С. 85.

¹³ Седов В.В. Восточные славяне. С. 238; Тимощук Б.А. Восточнославянская община. С. 90.

щего количества костей, то в памятниках VIII–IX вв. их процент резко уменьшился. Можно говорить о прогрессе в местной металлургии¹⁴.

Археологические исследования позволяют проследить демографический рост. К сожалению, существует не так много специальных работ, выполненных в русле так называемой «археологии поселений»¹⁵, которые содержат интересующие нас сведения. Для примера воспользуемся работой Б.А. Тимощука, которая посвящена территории юго-западной Руси. Согласно его данным¹⁶ при тотальном обследовании 21 микрорегиона было обнаружено 25 поселений с керамикой пражской культурной традиции VI–VII вв. На этой же территории зафиксировано 125 памятников VIII–X вв., что свидетельствует о бурном демографическом росте (почти в пять раз!). Подобная динамика подтверждается по другим регионам¹⁷.

Тимошук обратил внимание на такие важные черты, как размеры и планировка селищ, место поселения в общей структуре расселения. По его мнению, археологические памятники периода второй половины I тыс. н. э. могут быть разделены на несколько больших групп: 1) маленькие селища до 5 жилищ; 2) небольшие поселения из 6–16 жилищ; 3) большие поселения, которые могут состоять из нескольких групп жилищ; 4) большие поселения со следами ремесленного производства; 5) селища — спутники городищ¹⁸. Кроме этого автор выделяет три типа городищ этого времени: городища-убежища, культовые городища и городища — административные центры¹⁹. По всей видимости, эти последние городища имели протогородские функции.

Представленные данные свидетельствуют о существовании в этот период нескольких уровней иерархии (поселения разной величины и функциональной специализации, городища-убежища и городища-святылища, городища-центры с селищами-спутниками). Это подтверждает возможность существования у славян второй половины I тыс. н. э. вождей.

Теория вожества принадлежит к числу наиболее ярких достижений западной политической антропологии. Вожество понимается как первая форма общественной иерархии, которая предшествует появ-

¹⁴Тимошук Б.А. Восточнославянская община. С. 91–92.

¹⁵Об археологии поселений, см., например: Гуляев В.И. Проблемы изучения древних поселений в археологии: Социологический аспект // КСИА. М., 1990. № 201.

¹⁶Тимошук Б.А. Восточнославянская община. С. 86–97.

¹⁷Тельнов Н.П. Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII–X вв. // Stratum Plus. 2001–2002. Т. 5. С. 173.

¹⁸Тимошук Б.А. Восточнославянская община. С. 14–29.

¹⁹Там же. С. 29–54.

лению государства. Существует ряд работ, в которых подробно раскрыты основные положения теории²⁰. Если суммировать различные точки зрения на сущность вождества, то можно выделить следующие основные признаки этой формы социополитической организации. Существование иерархической организации власти, которая по археологическим данным отражается в разных размерах поселений. Наличие социальной стратификации и ограничение доступа к ключевым ресурсам, имеются тенденции к отделению эндогамной элиты от простых масс в замкнутое сословие. В вождестве существует редистрибуция — перераспределение прибавочного продукта и подарков по вертикали. Власть вождя основана на престижной экономике. Вождество характеризуется общей идеологической системой и/или общими культурами и ритуалами. Некоторые исследователи полагали, что верховная власть в вождестве имеет сакрализованный теократический характер.

Нужно только иметь в виду, что по количеству уровней иерархии вождества могли быть «простыми» и «сложными». В простых вождествах имеется один уровень иерархии. Это группа общинных поселений, иерархически подчиненных резиденции вождя — как правило, более крупному поселению. Численность населения простого вождества — несколько тысяч человек. Сложное вождество — это более крупная политическая единица, которая состояла из нескольких простых вождеств. Его численность населения измерялась уже десятками тысяч человек. К числу типичных черт сложных вождеств можно также отнести этническую гетерогенность, исключение управленческой элиты и ряда других социальных групп из непосредственной производственной деятельности. По всей видимости, различные древнеславянские «княжения», которые в отечественной литературе по традиции называют «племенами» или «союзами племен», типологически должны соответствовать вождествам различной степени сложности. Однако их классификация — это задача для будущих археологических интерпретаций.

Основными археологическими признаками вождества являются наличие иерархии поселений и развитая стратификация в погребальном обряде. Как соотносятся летописные сведения о различных «княжениях» с конкретным археологическим материалом, могут дать ответ

²⁰Earle T. Chiefdom in archaeological and ethnological perspective // Annual Review of Anthropology. 1987. Vol. 16; *Idem*. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.), 1997; Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.

только специальные археологические обследования конкретных регионов (так называемые *survey studies*²¹). Однако опыт изучения других районов мира показывает, что чем больше новые археологических данных, то тем сложнее становится их интерпретировать в рамках простых объяснительных схем. По мере накопления фактического материала археологические интерпретации демонстрируют очень большое разнообразие политических систем, которые могли возникать в однотипных экологических условиях. На одном полюсе сложные общества без ярко выраженной иерархической структуры, на другом — классические вожества разной степени сложности и ранние государства. Между ними располагается немалое число промежуточных форм с различной экономической базой, политической организацией, идеологическими институтами²².

В подтверждение вышесказанного следует процитировать тонкие наблюдения уже многократно цитированного здесь Б.А. Тимошука: «Археологическое изучение восточнославянских гнезд поселений показывает, что селища в каждом гнезде тяготеют к определенному центру... Но эти центры не были однотипными. Среди общинных центров VIII–IX вв., например, встречены городища-убежища, городища-административно-хозяйственные центры, городища-святилища. Ими могли быть и большие селища с развитым ремеслом. На территории некоторых наиболее развитых гнезд поселений VIII–X вв. обнаружены общинные центры довольно сложной структуры. Например, центр Ревнянского гнезда поселений IX в. состоял из двух городищ: убежища и административно-хозяйственного центра; центр Магальянского гнезда — из городища-убежища, крупного селища и ремесленного поселения. В состав общинных центров могли входить поселения с различными функциями, но, как правило, не встречаются общинные центры, в которые входили бы одинаковые в функциональном отношении синхронные памятники»²³.

Согласно мифоэпическим данным (отразившимся в ранней историографии и фольклоре), для древних славян были характерны архетипические представления о вожде как об организаторе хозяйственной и религиозной жизни. Однако обычно такие функциональные характе-

²¹ См., например: *White G., King T. The Archaeological Survey Manual. Walnut Creek (Cal.), 2007.*

²² *Feinman G., Neitzel J. Too Many Types: an Overview of Sedentary Prestate Societies in the Americas // Advances in Archaeological Method and Theory. N.Y., 1984. Vol. 7. P. 39102; Fargher L.F., Espinoza V.Y.H., Blanton R. Alternative Pathways to Power in Late Postclassic Highland Mesoamerica // Journal of Anthropological Archaeology. 2011. Vol. 30. P. 306–326.*

²³ *Тимошук Б.А. Восточнославянская община. С. 75–76.*

ристики характерны для слабо стратифицированных земледельческих обществ. Князь выступает как пахарь, ритуальный даритель плодородия, щедрый организатор пиров и раздач, хозяин гарема²⁴. Такой образ не очень сильно отличается от характеристики африканского вождя, которого в мирное время занимают только развлечения с женами и употребление алкогольных напитков²⁵.

Разумеется, это не означает, что славяне не воевали друг с другом, с внешними врагами и у них не было военных предводителей. Напротив, византийские источники отмечают воинственный нрав антов и склавинов, с которыми им приходилось вступать в военные столкновения²⁶. Однако источники также отмечают, что первоначально славяне не имели навыков организованного ведения военных действий и обладали только примитивным вооружением, более пригодным для охоты²⁷. Похожим образом описывали славян арабские авторы, спустя несколько столетий. Славяне предстают как жители дремучих лесов, которые мало знакомы с земледелием, но занимаются животноводством и бортничеством. При этом «оружие их состоит из дротиков, щитов и копий, другого оружия они не имеют»²⁸.

Для северогерманского региона была характерна иная архетипическая ситуация. Здесь длительное время сосуществовали и боролись за власть вожди-священники и военные предводители. Ресурсы были децентрализованы, что препятствовало установлению жесткого формального контроля. Военные походы и контроль над торговыми путями были важными каналами достижения высокого статуса и власти²⁹. Не случайно викинги-русы описываются арабскими авторами как народ «плохого нрава, непристойный, нахальный, склонный к ссорам и воинственный. Они воюют со всеми неверными, окружающими их, и выходят победителями». «И эти люди нападают на кораблях на славян, захватывают славян, обращают в рабство, отводят в Хазаран и Балкар

²⁴ *Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007. С. 168–176.

²⁵ *Southall A.* The Segmentary State: From Imaginary to Material Means of Production // *Early State Economics*. New Brunswick; London, 1991. P. 92.

²⁶ *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. С. 297.

²⁷ *Свод древнейших письменных известий о славянах.* М., 1994. Т. I (I–VI вв.). С. 279; *Нефёдкин А.К.* Тактика славян в VI в. (по свидетельству ранневизантийских источников) // *ВВ.* 2003. Т. 62. С. 79–91; *Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. С. 175.

²⁸ *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // *Новосельцев А.П., Пацуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 388–389.

²⁹ *Kristiansen K.* Decentralized Complexity: The Case of Bronze Age Northern Europe // *Pathways to Power*. N.Y., 2010; *Idem.* Constructing Social and Cultural Identities in the Bronze Age // *Investigating Archaeological Cultures: Material Culture, Variability, and Transmission*. N.Y., 2011.

и там продают. И нет у них посевов и пашен. И они пользуются обычно славянскими посевами. И если рождается (у них) сын, извлекают меч, кладут возле него, и отец говорит: „У меня нет ни золота, ни серебра, ни скота, чтобы оставить тебе в наследство. Вот твое наследство, сам себе (все) добудь мечом“. Торгуют они соболем, белкой и другими мехами»³⁰.

Упоминание вместе войны и торговли не случайно. Хорошо известно, что война была одним из важных факторов политогенеза. Еще в XIX в. возникла так называемая «завоевательная» теория происхождения государства, согласно которой государственность возникала только в результате завоевания одного общества другим. В качестве примеров чаще всего приводились завоевания кочевников или викингов. Однако по данным археологии и этнологии известно, что торговля на большие расстояния также является важным компонентом увеличения власти правителей вождеств и ранних государств. Получая из-за границы своих владений редкие и диковинные товары и распределяя их внутри общества, правитель контролировал редиистрибутивную сеть, повышал свой престиж и увеличивал влияние на подданных³¹.

Все вышесказанное справедливо в отношении Древней Руси. Еще классики отечественной исторической науки (например, В.О. Ключевский или Г.В. Вернадский) отмечали большую роль внешней торговли в создании Древней Руси³². Однако по причине внедрения в советскую науку марксизма, эти идеи оказались отвергнутыми. Стала подчеркиваться основополагающая роль внутренних экономических факторов (производящее хозяйство, рост прибавочного продукта). Тем не менее начиная с 1970-х гг. многие археологи и историки справедливо писали о важной роли внешней торговли в древнерусском политогенезе³³.

³⁰ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах. С. 399.

³¹ Webb M. The Flag Follows Trade: An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation // *Ancient Civilization and Trade*. Albuquerque, 1975; Ekholm K. External Exchange and the Transformation of Central African Social Systems // *The Evolution of Social Systems*. L., 1977; Kipp R.S., Schortman E.M. The Political Impact of Trade in Chiefdoms // *American Anthropologist*. 1989. Vol. 91, No 2; Hall T., Kardulias N., Chase-Dunn C. World-Systems Analysis and Archaeology: Continuing the Dialogue // *Journal of Archaeological Research*. 2010. Vol. 19, No 3.

³² Ключевский В.О. Полный курс лекций в 3-х кн. М., 1993. Кн. 1. С. 114, 128; Вернадский Г.В. Киевская Русь... С. 16, 187–189.

³³ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе; Носов Е.Н. Происхождение легенды о призвании варягов и Балтийско-Волжский путь // *Древности славян и финно-угров*. СПб., 1992; Мельникова Е.А. К типологии; Куртчииков А.Н. «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // *Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты*. СПб., 1997; Носов Е.Н. Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволжья // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище

Поскольку викинги контролировали торговые пути между Балтикой, Византией и Хазарией, то для этого им было необходимо иметь определенное количество опорных пунктов. Именно это обстоятельство (факт «призвания варягов», даже если он имел место, был только поводом) обусловило их постепенное внедрение в славянскую среду.

Археологически это подтверждается распространением в VIII и особенно в IX в. так называемых ОТПП — «открытых торгово-ремесленных поселений»³⁴ с разноэтничным населением, многочисленными находками торгового импорта, компонентами дружинной культуры и др. (Ладога, Рюриково городище, Тимерёво, Гнёздово). Рисуемый в источниках образ жизни русов свидетельствует о важной роли в их жизни внешней торговли и дарообмена. Согласно Ибн Русте, «единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса... С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют [ими]»³⁵.

Принципиально важное значение имело полюдьё. Византийский император описывает его следующим образом: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуются „кружением“, а именно — в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моносылы, они оснащают [их] и отправляются в Романию»³⁶. В условиях отсутствия государственного аппарата это был единственный способ получения дани с зависимых народов. Собирая полюдьё, князья и вожди получали пушнину, которая поступала на рынки Византии и арабского Востока.

Для этого времени характерно увеличение поступления дирхемов на территорию Руси, что отражается в находках многочисленных кладов. Клады обычно интерпретируются как свидетельство зарождения частной собственности и товарно-денежных отношений. Однако это не совсем так. Большинство денег не поступало в товарный оборот. Фактически оно изымалось из экономической деятельности и концен-

под Новгородом и поселения Северного Приильменя (Новые материалы и исследования). СПб., 2005.

³⁴ Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники. С. 139.

³⁵ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах. С. 397.

³⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 45–51.

трировалось на страховой случай, часто в загробной жизни. А.Я. Гуревич приводит много примеров из древнескандинавской литературы, которые свидетельствуют о возможности такой интерпретации. В частности, он описывает случай из «Саги об Эгиле», где один из героев, получив смертельную рану, прыгает в пучину, прихватив с собой сундучок со своими сокровищами³⁷. О символическом значении кладов того времени, возможно, дополнительно свидетельствует то, что на многих дирхемах нанесены руны, изображения оружия и кораблей.

Другой важной составляющей полудня был пир. Во время объезда контролируемых владений предводители руси пировали со своей дружиной и с местными словенскими вождами. Организация массовых застолий требовала больших вложений, что существенно повышало престиж их организатора. Именно на совместных трапезах нередко осуществлялся обмен подарками и завязывались сети коммуникаций. На этих пирах решались важные вопросы внутривосточной жизни, вершились суды, проводились религиозные и другие ритуалы. Наконец, пир являлся универсальным механизмом формирования и поддержания коллективной идентичности³⁸. Древнерусские летописные источники содержат многочисленные сведения о пирах, которые сопровождались массовыми раздачами, как при потлаче³⁹. Мифопоэтическая традиция подтверждает важность данного средства коммуникации в древнеславянском обществе⁴⁰.

Символический обмен дарами позволял преобразовывать материальные ресурсы в отношении психологической зависимости и престиж, что, в свою очередь, давало возможность получать новые ресурсы и, раздавая их, увеличивать престиж еще больше. Таким образом, повышение общественного статуса осуществлялось через механизмы престижной экономики: с одной стороны, через организацию массовых праздников, на которых накопленные богатства демонстративно раздавались или уничтожались, а, с другой — через развитие обменных связей и формирование сети зависимых лиц и должников, которые не могли сделать ответный подарок⁴¹.

Начиная с IX в., происходят важные изменения в структуре древ-

³⁷ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 23–25.

³⁸ Гуревич А.Я. История — нескончаемый спор. М., 2005. С. 692–697.

³⁹ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 137–149; Лукин П.В. Праздник, пир и вече: К вопросу об архаических чертах общественного строя восточных и западных славян // Одиссей. Человек в истории. 2006. Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 134–150.

⁴⁰ Щавелев А.С. Славянские легенды. С. 170, 206.

⁴¹ Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996; Са-

нерусских поселений. Если для VI–VIII вв. в основном характерны обычные селища средних и больших размеров, то в IX в. в юго-западной Руси, согласно подсчетам Б.А. Тимощука, резко увеличивается количество «городищ-убежищ» и городищ-административных центров. А с X в. им на смену приходят «городища-святилища» и городища — «княжеские крепости»⁴². По всей видимости, схожие процессы были характерны для всей территории Древней Руси. Согласно летописям, на Руси в IX–X вв. были известны 25 городов. В источниках XI в. упоминаются 64 новых города⁴³. Налицо резкое увеличение укрепленных поселений (более чем в два раза). В X–XI вв. внедряются новые технологии фортификации, требовавшие больших трудозатрат. Укрепления включали, как правило, несколько линий обороны и состояли из земляных валов-платформ со срубами наверху. Срубы дополнительно укреплялись откосами, каменными и кирпичными конструкциями. Внутри этих городищ находились жилища и здания разных типов (дома дружинников вдоль вала, срубные дома элиты, хозяйственные и иные постройки). Как правило, по соседству с городищем располагались поселения ремесленников и земледельцев⁴⁴.

Можно ли говорить о появлении государственности в этот период? В отечественной литературе традиционно этот вопрос решался в соответствии с критериями государства, которые были предложены еще Ф. Энгельсом в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Как известно, Ф. Энгельс выделял три главных признака государства: территориальное деление, налоги и формирование особого аппарата управления. Эта «триада» до сих пор считается классической в политической и юридической науках. На данных признаках основываются в своем понимании древнерусской государственности большинство отечественных специалистов.

В связи с этим важно заметить, что политология и правоведение изучают современные политические институты. Ранние системы власти являются предметом исследования археологов, этнологов-антропологов и историков. Особенно важные теоретические достижения в области изучения происхождения государства были сделаны в рамках такой дисциплины, как политическая антропология. По этой причине весьма досадно, что в наши дни при обсуждении вопроса о

линз М. Экономика каменного века. М., 1999; Годелье М. Загадка дара. М., 2007; Крадин Н.Н. Политическая антропология. Гл. 3.

⁴² Тимощук Б.А. Восточнославянская община. С. 67, табл. 1–2.

⁴³ Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 40.

⁴⁴ Тимощук Б.А. Восточнославянская община. С. 34, 55–62.

времени появления государственности на Руси историки продолжают пользоваться пресловутой «триадой», в том числе и те, кто читает политико-антропологическую литературу. Так, например, такой известный новатор в рассматриваемой проблеме, как И.Я. Фроянов, пишет: «современной науке известны три главных отличительных признака государства»⁴⁵. С ним полностью солидарен его последователь В.В. Пузанов, который полагает: «Более качественно определены, на наш взгляд, традиционные первичные признаки государства, выражаемые триадой *налоги — публичная власть — территориальное разделение народа*»⁴⁶.

Традиция выделения данных признаков происходит из концепции суверенитета, появившейся в Европе в Новое время. Однако если посмотреть вглубь времен, население, территория и независимость — это черты любого самостоятельного коллектива, в том числе и в первобытности. Любая группа охотников и собирателей представляет собой *население*. Любая община проживает на некоторой *территории*, контролирует ее и защищает от непрошенных чужаков. Если вспомнить еще один часто упоминаемый признак — политический *суверенитет*, то любое вождество рассматривается в качестве предмета исследования только как *независимая* политическая единица (в противном случае это уже не вождество, а дистрикт сложного вождества). Из вышеперечисленных черт только один признак может служить настоящим признаком государства — это наличие институтов управления. Разберем этот вопрос более подробно.

Латинское слово *status* начинает употребляться в политических дискурсах, по крайней мере с XIV в. Изначально для него была характерна многозначность смыслов. В Италии термин *stato* понимался как правящая власть вообще и как аппарат этой власти⁴⁷. Во Франции понятие *état* обозначало статус, сословие, объединение сословий («генеральные штаты»), государство, нацию⁴⁸. Подобная терминологическая неразбериха была обусловлена тем, что в тот период в Европе шел процесс строительства наций, а также формирования территориальных властных структур иного типа («национальных государств»). Новые институты власти стали осмысливаться в существующей терминологии (*status, state, l'état, stato, Staat* и др.).

⁴⁵ Фроянов И.Я. Мятный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 21.

⁴⁶ Пузанов В.В. Древнерусская государственность. С. 201.

⁴⁷ Скиннер К. The State // Понятие государства в четырех языках. СПб.; М., 2002. С. 39.

⁴⁸ Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 75–76, 111–113.

По всей видимости, наиболее рельефно новый контекст данного термина сформулировал Николо Макиавелли. Окончательное же осмысление государства как состояния приходится на период европейского абсолютизма, когда государство начинает восприниматься как искусственный, отделенный от общества и от правителей институт (согласно Т. Гоббсу — «Левиафан»). К середине XVIII в. термин уже прочно вошел в европейскую науку⁴⁹. Однако эта же терминология продолжала использоваться для обозначения сословного деления общества (*status, stato, état, Stand* и др.). Поскольку одновременно в Европе шел процесс формирования наций, сформировалась традиция параллельно использовать данное понятие для обозначения не только структуры общества, но и всего общества в целом («государство» как суверенная единица, «государство-нация», «страна»). В русском языке этимология понятия «государство» более созвучна терминам *царство, империя*, нежели понятию *правительство*⁵⁰.

По этой причине можно говорить о двух смысловых значениях данного понятия: в широком понимании — *государство* как «страна», «нация-государство», которое нередко употребляется в обыденном языке, и в узком значении — *государство* как «правительство», которое чаще используется в специальных научных текстах⁵¹.

С этой точки зрения, когда мы говорим о том, являлась ли Древняя Русь государством, необходимо оговаривать, что мы имеем в виду. Если первое, то несомненно — да — это самостоятельная полития⁵², независимая суверенная страна, возникновение которой можно свя-

⁴⁹ Скиннер К. The State. С. 58–60.

⁵⁰ Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997. С. 192–196.

⁵¹ Гелднер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 27–29; Годинер Э.С. Политическая антропология о происхождении государства // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1991. С. 51; Якобсон В.А. Государство как социальная организация (теоретические проблемы) // Восток. 1997. № 1. С. 6; Берент М. Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 237; Бондаренко Д.М. Доимперский Бенин: Формирования и эволюция системы социально-политических институтов. М., 2001. С. 245; Коротаев А.В. Социальная эволюция. М., 2003. С. 54–63.

⁵² Данный термин заимствован из английского языка («polity») и введен в русскоязычную антропологическую литературу А.В. Коротаевым в начале 1990-х гг. для обозначения независимых политических единиц. Это гораздо более удачный термин, чем использовавшаяся ранее биологизаторская дефиниция «социальный организм». Необходимость в данном термине очевидна, поскольку далеко не ко всем независимым политическим единицам (например, вожествам) можно употреблять термин «страна» (например, к конфедерации ирокезов или остяцким княжествам). При этом нужно иметь в виду, что Киевская Русь представляла собой «мультиполитию» — более крупную систему, состоящую из нескольких политически субординированных политий разной сложности.

зывать с различными условными и реальными хронологическими событиями: датой «призвания» Рюрика (862 г.), походом Олега на Киев и объединением Северной и Южной Руси (882 г.), введением «погостов» княгиней Ольгой (946 г.) и т. д. Если же мы используем понятие *государство* во втором значении, то необходимо дополнительно уточнить, что мы в данном случае понимаем под «правительством» или «аппаратом управления», поскольку лица, выполняющие управленческие обязанности, есть практически везде — в ирокезском племени, греческом полисе, африканском вожестве.

Интеграция общества на государственном уровне требует специализированной бюрократии, единой религии, судопроизводства и полицейской машины. Государство предполагает наличие особых специализированных учреждений, предназначенных для управления. Исходя из вышеизложенного, лиц занятых управлением необходимо делить на: 1) общих функционеров, деятельность которых может охватывать несколько видов занятий; 2) специальных функционеров, выполняющих обязанности только в какой-то одной области управления; 3) неформальных лиц, чья профессия напрямую не связана с управлением, однако они в силу своего статуса или иных причин могут оказывать влияние на принятие решений (родственники, придворные, священники и т. д.)⁵³. Поскольку общие функционеры и неформальные лица могут существовать не только в ранних (архаических) государствах, но, например, в вождествах, только категория специальных функционеров может служить критерием государственности. Возможно, это единственный универсальный критерий государственного общества. С предельной лаконичностью суть этого выразил Карл Виттфогель: «государство — это управление профессионалов»⁵⁴.

Кроме того, мы можем назвать организацию управления государством только в том случае, если она состоит из большого количества людей. Государство — это не отдельные лица, занимающиеся управленческой деятельностью, а аппарат управления, т. е. совокупность определенных организаций и учреждений. Данные учреждения имеют внутреннюю структуру и состоят из определенного количества сотрудников, получающих вознаграждение за выполнение специальных обязанностей, имеющих схожие системы ценностей и установок («габитус» — по П. Бурдьё). Структура может быть разделена на специализированные подразделения или ведомства (министерства, канцеля-

⁵³ Claessen H.J.M. The Early State: A Structural Approach // The Early State. P. 576.

⁵⁴ Wittfogel K.A. Oriental Despotism. New Haven, 1957. P. 239.

рии и т. д.), либо в принципе не быть институализирована и находится при дворе, ставке («штабе») — в концепции М. Вебера) правителя.

В данном случае речь идет, как правило, о сложившейся государственности, т. е. таком аппарате управления, который оформился в институализированные формы. Однако такие феномены, как государственность (в форме особого аппарата управления), классовая структура и частная собственность, формируются в процессе длительной эволюции. По этой причине ряд исследователей в разных странах и, возможно, независимо друг от друга пришли к мнению, что целесообразно выделять некоторые промежуточные фазы между доиерархическими безгосударственными обществами и сложившимися доиндустриальными государствами (цивилизациями). Ключевое место в этом ряду занимает такая форма политической организации, как раннее государство⁵⁵.

Разработку теории раннего государства принято связывать с именем голландского политического антрополога Х. Дж. М. Классена и его школы. Наиболее полно главные положения теории были сформулированы в томе «Раннее государство», изданном под его редакцией совместно с чешским антропологом-африканистом П. Скальником, и впоследствии углублены и развиты в целом ряде специальных тематических изданий⁵⁶. Теория «раннего государства» включила достижения неозволюционистской и структуралистской антропологии, а также творчески переосмысленного марксизма⁵⁷. Она оказала значительное влияние и на развитие отечественной политической антропологии

⁵⁵В советской литературе для подобных обществ использовались термины «дофеодальные общества», «варварские государства», «раннеклассовые общества» и др. В американской антропологии и археологии часто используется понятие «архаические государства». Напомним, что впервые вопрос о выделении данной стадии был поставлен еще в середине прошлого века С. В. Юшковым (*Юшков С. В.* К вопросу о дофеодальном (варварском) государстве // *ВИ.* 1946. № 7. С. 45–65).

⁵⁶*The Early State.* The Hague, 1978; *The Study of the State.* The Hague, 1981; *Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization.* South Hadley, 1985; *Early State Dynamics.* Leiden etc., 1987; *Early State Economics.* New Brunswick; London, 1991; *Ideology and the Formation of Early States.* Leiden, 1996.

⁵⁷Существует огромная исследовательская литература по данной проблеме. На русском языке в первую очередь следует выделить следующие работы: *Кочакова Н. Б.* Двадцатилетие исследовательского проекта «Раннее государство» // *Восток.* 1996. № 4; *Она же.* Раннее государство и Африка (аналитический обзор публикаций Международного исследовательского проекта «Раннее государство»). М., 1999; *Бондаренко Д. М.* Концепция «раннего государства»: основные положения и попытка их оценки // *Африка: общества, культуры, языки.* М., 1998; *Крадин Н. Н.* «Раннее государство»: ключевые аспекты концепции и некоторые моменты ее истории // Там же. Кроме того, в журнале «*Social Evolution & History*» были опубликованы два специальных номера, посвященных теории раннего государства (2008, № 1; 2009, № 1). Наконец, важное значение имеет современная саморефлексия основоположников теории: *Классен Х. Дж. М.* Теория раннего государства сегодня // *Политическая антропология*

последней трети XX — начала XXI в. (на Л.Е. Куббеля, А.М. Хазанова, Л.С. Васильева, а через их работы и идеи на следующее поколение отечественных политических антропологов).

Раннее государство понимается как «централизованная социополитическая организация для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном по крайней мере на два основных страта, или возникающих социальных класса — на управителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством первых и данническими обязанностями вторых; законность этих отношений освящена единой идеологией, а их основной принцип составляет взаимный обмен услугами...»⁵⁸.

Авторы выделили по степени зрелости три типа ранних государств — *зачаточные* (inchoate), *типичные* (typical) и *переходные* (transitional). Для *типичного* раннего государства характерно: 1) сохранение кланово-линиджных связей, но при некотором развитии внеклановых отношений на высших уровнях управления; 2) источником существования должностных лиц являются как кормления за счет вверенных подданных, так и жалованье из центра; 3) письменно зафиксированный свод законов; 4) появляется специальный аппарат судей, которые уже разбирают большинство юридических вопросов; 5) изъятие доли прибавочного продукта «управителями» имеет «точно установленный характер» и осуществляется как путем взимания дани, так и посредством принудительного труда; 6) появляются специальные чиновники и лица помогающие им⁵⁹.

Поскольку ранним государствам не хватало монополии на применение законного насилия, чтобы противостоять сепаратизму, персона сакрализованного правителя являлась фигурой, консолидирующей и объединяющей общество. Правитель («священный царь») являлся «посредником» между божествами и подданными, обеспечивал, благодаря своим сакральным способностям, стабильность и процветание общества, объединял посредством дарений социальные коммуникации в единую сеть. Только с формированием эффективной системы аппарата власти отпадала необходимость в данных функциях «священного царя»⁶⁰. На этой стадии раннее государство трансформировались в *зрелое* доиндустриальное государство («mature state»),

традиционных и современных обществ; *Скальник П.* Концепция раннего государства в антропологической теории // Там же.

⁵⁸ *Claessen H.J.M., Skalnik P.* The Early State: Models and Reality // The Early State. P. 640.

⁵⁹ *Ibid.* P. 641.

⁶⁰ *Claessen H.J.M.* Kingship in the Early State // Bijdragen tot de Taal- Land- en Volkenkunde. 1986. Vol. 142. № 1.

в котором имеется развитый бюрократический аппарат и частная собственность⁶¹.

С течением времени возникла необходимость в пересмотре типологии и отказе от выделения так называемых *зачаточных* и *переходных* ранних государств. Первые соответствуют критериям вожеств, а последние подпадают под признаки *зрелых* доиндустриальных государств с развитым бюрократическим аппаратом⁶². Кросс-культурный анализ концепции помог скорректировать признаки *типичного* раннего государства и показал, что именно на этой стадии появляются такие важные признаки, как специальные чиновники, аппарат судей, письменный свод законов и др.⁶³

Насколько применимы признаки классического («типичного» по Х. Классену) раннего государства к тем или иным этапам истории Древней Руси? Это задача конкретно-исторических исследований. Однако хотелось бы отметить, что на Руси клановые отношения (лестви́чная система) тесно переплетались с личными связями, возникавшими между князьями и их дружинниками. Кормления наместников и сопровождавших их воинских отрядов сосуществовали с денежными пожалованиями и подарками дружине. Также трудно говорить о времени появления фиксированных даней и повинностей. Уже на такой стадии, как вожество, элита пользуется определенным привилегированным доступом к общественным ресурсам и их перераспределению, что далеко не всегда можно выявить по письменным источникам. Известно, что на ранних этапах основным источником доходов варяжской элиты было полюдье⁶⁴. В период правления княгини Ольги делается попытка зафиксировать размеры поборов («оброков») и вводятся места их концентрации («погосты»), хотя касательно внутреннего содержания данных институтов у исследователей существуют разные точки зрения. Позднее появляются различные фиксированные сборы (например, «уроки» при Владимире), которые впоследствии дополняются торговыми пошлинами, судебными штрафами и др.

⁶¹ Существуют другие термины для обозначения подобных сформировавшихся доиндустриальных государств: «аграрное государство», «традиционное государство», «развитое государство». См.: *Gellner E. Plough, Sword and Book. The Structure of Human History.* Chicago, 1988; *Johnson A.W., Earle T. The Evolution of Human Society: From Foraging Group to Agrarian State.* Stanford (Cal.), 1987; *Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс.* М., 2007. Кн. 1–3.

⁶² *Skalnik P. Chieftdom: a Universal Political Formation? // Focaal. Journal of Global and Historical Anthropology.* 2003. Vol. 43, No 1; *Крадин Н.Н. Археологические признаки цивилизации.*

⁶³ *Bondarenko D.M., Korotayev A.V. "Early State" in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Re-Analysis of Henri J.M. Claessen's Database // Cross-Cultural Research.* 2003. Vol. 37, No 1.

⁶⁴ *Кобищанов Ю.М. Полюдье: явление отечественной и всемирной истории.* М., 1995; *Он же. Полюдье: всемирно-историческое явление.* М., 2009.

Привлечение больших масс населения для строительства монументальных сооружений характерно не только для сложившихся государств, но и для вождеств. Данные археологии свидетельствуют, что на Руси новые виды фортификации, требовавшие больших затрат труда, появляются с X в. (несколько линий обороны, земляные валы-платформы со срубам). Если говорить о трех наиболее важных признаках раннего государства, то необходимо отметить, что письменные законы появляются на Руси с XI в. — краткая редакция Русской Правды. По всей видимости, впервые именно в ней упоминается такая инстанция, как княжеский суд. Тогда же появляются новые термины, обозначающие в терминологии X. Классена общих и специальных функционеров — *тиун*, *огнищанин*, *посадник*. Представляется, что ответ на данные вопросы является в настоящее время одним из наиболее важных для определения времени формирования древнерусского государства.

Вместе с тем необходимо напомнить, что древнерусское государство складывалось при значительной роли дружины, что логично привело Е.А. Мельникову к созданию концепции «дружинного государства»⁶⁵. Значительная роль воинского окружения правителя может быть прослежена в процессе формирования многих раннегосударственных обществ. Дружинники не только составляли отборное воинское подразделение, но и могли выполнять административные, полицейские и даже дипломатические обязанности. В известной степени дружинников можно рассматривать как «эмбриональный» аппарат управления. Однако необходимо иметь в виду, что они не имели четкой функциональной специализации и исполняли поручения от случая к случаю и по мере необходимости.

С начала 1990-х гг. и особенно в новом столетии однолинейные теории происхождения государства стали подвергаться критике⁶⁶. Это привело к распространению билинейных и многолинейных теорий. Изначально появилось мнение об альтернативах вождеству — *гетерархии*. Термин гетерархия обозначает способ взаимоотношений элементов в сложной системе, когда они не ранжированы иерархически или связаны сетями сложных связей⁶⁷. Позднее стало ясно, что речь идет об альтернативных вариантах эволюции. Этот подход пример-

⁶⁵ Мельникова Е.А. К типологии.

⁶⁶ Yoffee N. Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations. Cambridge, 2005; Pauketat T. Chiefdoms and Others Archaeological Delusions. N.Y. etc., 2007.

⁶⁷ Crumley C. Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity // From Leaders to Rulers. N.Y., 2001. P. 24.

но в одно время, но на разных исторических материалах и в разной терминологии разрабатывали М.А. Агларов (Кавказ), Ю.Е. Березкин (Передний Восток и Средняя Азия), А.В. Коротаев («горцы»), К. Крэмли (железный век Западной Европы), Г. Фэйнман и С. Ковалевски (Мезоамерика), Р. Чапмэн (иберийцы) и др.⁶⁸

Исследователи выделили две стратегии, которые могут быть зафиксированы в разных типах общества. Первая (*иерархическая* или *сетевая*) стратегия основана на вертикали власти и централизации. Для нее характерны концентрация богатства у элиты, наличие сетей зависимости и патронажа, отражение социальной дифференциации в погребальной обрядности, контроль элиты над торговлей предметами престижного потребления, развитие ремесла для потребностей верхов, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре.

Для второй (*гетерархической* или *корпоративной*) стратегии характерны большее распределение богатства и власти, более умеренное накопление, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества на решение коллективных целей (производство пищи, строительство фортификаций, храмов и др.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни. Гетерархическую стратегию не следует рассматривать как более эгалитарную в сравнении с иерархией и предшествующую ей. Гетерархия не является менее сложной, чем иерархия. Примером этого могут служить греческие полисы

⁶⁸ Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М., 1988; Березкин Ю.Е. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995; Коротаев А.В. Горы и демократия // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995; Crumley C. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. Washington, 1995; Blanton R.E., Feinman G.M., Kowalewski S.A., Peregrine P.N. A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization // Current Anthropology. 1996. Vol. 37, No 1; Бондаренко Д.М., Коротаев А.В. Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции // Общественные науки и современность. 1999. № 5; Берент М. Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000; Ковалевски С. Циклические трансформации в Северо-Американской доистории // Там же; Уасон П., Балдуа М. Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе // Там же; Feinman G.M. Mesoamerican Political Complexity: The Corporate-Network Dimension // From Leaders to Rulers. N.Y., 2001; Бондаренко Д.М. Гомархия как принцип построения социально-политической организации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006; Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. Кн. 1–3; Chapman P. Alternative States // Evaluating Multiple Narratives: Beyond Nationalist, Colonialist, Imperialist Archaeologies. N.Y., 2008.

и более поздние торговые города-государства, которые обладали развитой внутренней организацией и культурой.

Данные положения имеют большую эвристическую ценность для интерпретации процессов политогенеза на Руси. Не случайно в своей концепции «городов-государств» Древней Руси И.Я. Фроянов, следуя Н.И. Карееву, неоднократно проводил параллели с греческими полисами⁶⁹. Гетерархическое общество (корпоративная стратегия) отличается бóльшим распределением богатства между разными социальными группами, что характерно для «городов-государств» Древней Руси. Власть в городах Руси была распределена между несколькими политическими силами — князья, бояре, городская элита. Отсутствуют пышные гробницы и захоронения элиты, резко отделяющие от простых масс. Наличие земледельческих ритуалов плодородия, культы разных богов (Перун противопоставлен Велесу) показывают коллективный характер идеологии, свидетельствуют об отсутствии персонального прославления.

Древняя Русь не представляла собой единого целого. Было бы упрощением видеть на Руси только гетерархические города-республики. Как уже было сказано выше, Русь представляла собой совокупность этнически и культурно близких между собой политий разной степени структурированности: от сложных вожеств до гетерархических протогородских республик. При этом важно отметить, что гетерархическая структура была характерна для общества викингов⁷⁰. Бытование данной системы у скандинавов было обусловлено распределением ресурсов на большой территории и трудностью централизованного контроля над ними. Участие в военных походах являлось важным фактором повышения статуса для молодежи, получения и перераспределения престижных товаров для элиты. Немаловажную роль играл контроль над торговыми путями. Викинги создавали форпосты своего присутствия на славянской территории (вышеупомянутые ОТП). Это дало им возможность распространить влияние на местные славянские вожества и племена, а также наладить контроль над внешними торговыми путями. После известных событий, связанных с походом Олега на Киев, начались процессы формирования единого раннего государства («русской земли»). При этом наличие в со-

⁶⁹ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 218; *Он же*. Мятёжный Новгород. С. 25.

⁷⁰ Kristiansen K. The Rules of the Game. Decentralised Complexity and Power Structures // Socializing Complexity: Approaches to Power and Interaction in Archaeological Discourse. Oxford, 2008.

ставе древнерусской мультиполитии («федерации земель») гетерархических городских структур (по И.Я. Фроянову «городов-государств») обусловило специфический характер процессов политогенеза на этой территории, несколько отличный от классической модели динамики «раннего государства» Классена. Исторический парадокс «призвания варягов» состоит в том, что викинги принесли на Русь не столько государственность, сколько гетерархическую модель управления, хотя и способствовали, в конечном счете, формированию раннего государства на Руси.

ЛИТЕРАТУРА

Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988.

Березкин Ю.Е. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.

Бернт М. Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

Бондаренко Д.М. Гомоархия как принцип построения социально-политической организации // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006.

Бондаренко Д.М. Доимперский Бенин: Формирование и эволюция системы социально-политических институтов. М., 2001.

Бондаренко Д.М. Концепция «раннего государства»: основные положения и попытка их оценки // Африка: общества, культуры, языки. М., 1998.

Бондаренко Д.М., Коротяев А.В. Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции // Общественные науки и современность. 1999. № 5.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.

Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь; М., 1996.

Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. Тверь; М., 1996.

Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

Годелье М. Загадка дара. М., 2007.

Годинер Э.С. Политическая антропология о происхождении государства // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1991.

Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. М., 2007. Кн. 1–3.

Гуляев В.И. Проблемы изучения древних поселений в археологии: Социологический аспект // КСИА. М., 1990. № 201.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.

Гуревич А.Я. История — нескончаемый спор. М., 2005.

Дворниченко А.Ю. К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.

Дворниченко А.Ю. О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. // *Rossica Antiqua*, 2006. Исследования и материалы. СПб., 2006.

Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.

Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1968.

Карнейро Р. Теория ограничения: разъяснение, расширение и новая формулировка // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток, 2012.

Кирпичников А.Н. «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997.

Классен Х.Дж.М. Теория раннего государства сегодня // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток, 2012.

Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб., 2009.

Ключевский В.О. Полный курс лекций в 3-х кн. М., 1993. Кн. 1.

Кобищанов Ю.М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории. М., 1995.

Кобищанов Ю.М. Полюдь: всемирно-историческое явление. М., 2009.

Ковалевски С. Циклические трансформации в Северо-Американской доистории // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

Кола Д. Политическая социология. М., 2001.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989.

Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М., 2005.

Коротаев А.В. Горы и демократия // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995.

Коротаев А.В. Джордж Питер Мердок и школа кросс-культурных исследований // Бюллетень: Антропология, меньшинства, мультикультурализм. М., 2003. Вып. 3.

Коротаев А.В. Социальная эволюция. М., 2003.

Кочакова Н.Б. Двадцатилетие исследовательского проекта «Раннее государство» // Восток. 1996. № 4.

Кочакова Н.Б. Раннее государство и Африка (аналитический обзор публикаций Международного исследовательского проекта «Раннее государство»). М., 1999.

Крадин Н.Н. «Раннее государство»: ключевые аспекты концепции и некоторые моменты ее истории // Африка: общества, культуры, языки. М., 1998.

Крадин Н.Н. Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006.

Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2011.

Крадин Н.Н. Перспективы политической антропологии // Полис. 2011. № 6.

Крадин Н.Н. Современные тенденции политической антропологии // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Материалы международной конференции. Владивосток, 2012.

Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.

Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999.

Куббель Л.Е. Очерки постарно-политической этнографии. М., 1988.

Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985.

Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985.

Лукин П.В. Праздник, пир и вече: К вопросу об архаических чертах общественного строя восточных и западных славян // Одиссей. Человек в истории. 2006. Феодализм перед судом историков. М., 2006.

Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // ДГ. 1992–1993 г. М., 1995.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996.

Нефёдкин А.К. Тактика славян в VI в. (по свидетельству ранневизантийских источников) // ВВ. 2003. Т. 62.

Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // *Новосельцев А.П., Паушто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Носов Е.Н. Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволховья // *Носов Е.Н., Горюнова В.М., Пловых А.В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (Новые материалы и исследования). СПб., 2005.

Носов Е.Н. Происхождение легенды о призвании варягов и Балтийско-Волжский путь // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992.

Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества. Киев, 1989.

Коротаев А.В. Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. М., 1991. Ч. 1.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995.

Прокотий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.

Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007.

Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999.

Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I (I–VI вв.).

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.

Скальник П. Концепция раннего государства в антропологической теории // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток, 2012.

Скиннер К. The State // Понятие государства в четырех языках. СПб.; М., 2002.

Тельнов Н.П. Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII–X вв. // Stratum Plus. 2001–2002. Т. 5.

Тимошук Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. н. э. М., 1990.

- Турчин П.В.* Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М., 2007.
- Уасон П., Балдиа М.* Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
- Фроянов И.Я.* К истории зарождения русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.
- Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
- Фроянов И.Я.* Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992.
- Хазанов А.М.* Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
- Шинаков Е.А.* Образование древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. 2-е изд. М., 2009.
- Шнирельман В.А.* Производственные предпосылки разложения первобытного общества // История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988.
- Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.
- Юшков С.В.* К вопросу о дофеодальном (варварском) государстве // ВИ. 1946. № 7.
- Яacobson В.А.* Государство как социальная организация (теоретические проблемы) // Восток. 1997. № 1.
- Blanton R.E., Feinman G.M., Kowalewski S.A., Peregrine P.N.* A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization // Current Anthropology. 1996. Vol. 37, No 1.
- Bondarenko D.M., Korotayev A.V.* "Early State" in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Re-Analysis of Henri J.M. Claessen's Database // Cross-Cultural Research. 2003. No 1. Vol. 37.
- Carneiro R.L.* A Theory of the Origin of the State // Science. 1970. Vol. 169, No 3947.
- Chapman P.* Alternative States // Evaluating Multiple Narratives: Beyond Nationalist, Colonialist, Imperialist Archaeologies. N.Y., 2008.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.* The Early State: Models and Reality // The Early State. The Hague, 1978.
- Claessen H.J.M.* Structural Change: Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology. Leiden, 2000.

- Claessen H.J.M.* Kingship in the Early State // *Bijdragen tot de Taal- Land- en Volkenkunde*. 1986. Vol. 142, No 1.
- Claessen H.J.M.* The Early State: A Structural Approach // *The Early State*. The Hague, 1978.
- Crumley C.* Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity // *From Leaders to Rulers*. N.Y., 2001.
- Crumley C.* Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Washington, 1995.
- Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization. South Hadley, 1985.
- Earle T.* Chiefdom in Archaeological and Ethnological Perspective // *Annual Review of Anthropology*. 1987. Vol. 16.
- Earle T.* How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.), 1997.
- Early State Dynamics. Leiden etc., 1987.
- Early State Economics. New Brunswick; London, 1991.
- Ekholm K.* External Exchange and the Transformation of Central African Social Systems // *The Evolution of Social Systems*. L., 1977.
- Fargher L.F., Espinoza V.Y.H., Blanton R.* Alternative Pathways to Power in Late Postclassic Highland Mesoamerica // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2011. Vol. 30.
- Feinman G., Neitzel J.* Too Many Types: an Overview of Sedentary Prestate Societies in the Americas // *Advances in Archaeological Method and Theory*. N.Y., 1984. Vol. 7.
- Feinman G.* Mesoamerican Political Complexity: The Corporate-Network Dimension // *From Leaders to Rulers*. N.Y., 2001.
- Gellner E.* Plough, Sword and Book. The Structure of Human History. Chicago, 1988.
- Haas J.* The Evolution of the Prehistoric State. N.Y., 1982.
- Hall T., Kardulias N., Chase-Dunn C.* World-Systems Analysis and Archaeology: Continuing the Dialogue // *Journal of Archaeological Research*. 2010. Vol. 19, No 3.
- Ideology and the Formation of Early States. Leiden, 1996.
- Johnson A.W., Earle T.* The Evolution of Human Society: From Foraging Group to Agrarian State. Stanford (Cal.), 1987.
- Kipp R.S., Schortman E.M.* The Political Impact of Trade in Chiefdoms // *American Anthropologist*. 1989. Vol. 91, No 2.
- Kristiansen K.* Constructing Social and Cultural Identities in the Bronze Age // *Investigating Archaeological Cultures: Material Culture, Variability, and Transmission*. N.Y., 2011.

Kristiansen K. Decentralized Complexity: The Case of Bronze Age Northern Europe // Pathways to Power. N.Y., 2010.

Kristiansen K. The Rules of the Game. Decentralised Complexity and Power Structures // Socializing Complexity: Approaches to Power and Interaction in Archaeological Discourse. Oxford, 2008.

Pauketat T. Chiefdoms and Others Archaeological Delusions. N.Y. etc., 2007.

Peregrine P., Ember C., Ember M. Modeling State Origins Using Cross-Cultural Data // Cross-Cultural Research. 2007. Vol. 41, No 1.

Renfrew C. The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the Third Millenium B.C. L., 1972.

Service E. Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975.

Skalnik P. Chiefdom: a universal political formation? // Focaal. Journal of Global and Historical Anthropology. Vol. 43, No 1.

Southall A. The Segmentary State: From Imaginary to Material Means of Production // Early State Economics. New Brunswick; London, 1991.

The Early State. The Hague, 1978.

The Study of the State. The Hague, 1981.

Webb M. The Flag Follows Trade: An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation // Ancient Civilization and Trade. Albuquerque, 1975.

White G., King T. The Archaeological Survey Manual. Walnut Creek (Cal.), 2007.

Wittfogel K.A. Oriental Despotism. New Haven, 1957.

Yoffee N. Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations. Cambridge, 2005.

РЕЗЮМЕ

Генезис государства на Руси — один из «вечных», постоянно-дебатируемых вопросов для российских и зарубежных ученых. В статье рассматривается происхождение Древнерусского государства и его особенности с точки зрения новейших теорий политической антропологии. Демонстрируется значимость факторов «войны» и «внешней торговли» для процесса становления государственности. Предлагается рассмотреть применимость концепция «вождества», «гетерархии» и «раннего государства» к проблеме становления Руси как «мультиполитии».

Ключевые слова: политогенез, вождество, Русь, раннее государство, гетерархия, политическая антропология.

ABSTRACT

Origin of State in Russia is one of permanently debatable questions among the Russian and foreign scholars. In this paper, this problem is discussed in the context of recent anthropological approaches. The important role of such factors as foreign trade and war is shown. The significance of such concepts as chiefdom, early state and heterarchy in understanding the political complexity of ancient Russia is considered.

Key words: politogenesis, chiefdom, ancient Russia, early state, heterarchy, political anthropology.